

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования

«ПЕНЗЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Институт экономики и управления

Направление подготовки

Профиль

Кафедра «Социология, экономическая
теория и международные процессы»

41.03.05 «Международные отношения»

Мировая политика и международный
бизнес

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА

на тему

Цифровая дипломатия России и государств Глобального Юга

Студент

Голикова
Арина
Андреевна

подпись, дата

Руководитель

Новосельцева Г. Б.

подпись, дата

Нормоконтролер

Влазнева С. А.

подпись, дата

Работа допущена к защите (протокол заседания кафедры от _____ №_____)

Заведующий кафедрой

Рожкова Л. В.

подпись, дата

Работа защищена с отметкой _____ (протокол ГЭК от _____ №_____)

Секретарь ГЭК

Рассказова Н. В.

подпись, дата

Пенза 2026

ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет»
Институт экономики и управления
Кафедра «Социология, экономическая теория и международные процессы»
Направление подготовки 41.03.05 «Международные отношения», профиль
«Мировая политика и международный бизнес»

«УТВЕРЖДАЮ»:
Зав. кафедрой
д.с.н., профессор Рожкова Л. В.

«___» _____ 20__.

ЗАДАНИЕ
НА БАКАЛАВРСКУЮ РАБОТУ

студенту Голиковой А. А., группа 22ЭА1, обучение очное

1 Тема бакалаврской работы: Цифровая дипломатия России и государств Глобального Юга

утверждена приказом по университету

от «___»___20__г . №_____

2 Срок сдачи студентом законченной бакалаврской работы: 8.06.2025.

3 Исходные данные к бакалаврской работе: нормативно-правовая база, научная и справочная литература, данные сети Интернет.

4 Перечень подлежащих разработке вопросов: развитие цифровой дипломатии; национальные стратегии и инструменты цифровой дипломатии России и государств Глобального Юга; проблемы и перспективы сотрудничества в области цифровой дипломатии.

5 Перечень графического материала: таблицы, рисунки.

6 Дата выдачи задания: 25.10.2025.

График подготовки бакалаврской работы

№ п/п	Содержание работы	Срок выполнения	Дата выполнения, подпись руководителя
1	Составление плана ВКР	25.10.2025 – 10.11.2025	
2	Изучение исходных данных к бакалаврской работе	11.11.2025 – 25.12.2025	
3	Написание Главы 1	26.12.2025 – 30.01.2026	
4	Написание Главы 2	31.01.2026 – 15.03.2026	
5	Написание Главы 3	16.03.2026 – 29.04.2026	
6	Написание введения и заключения	30.04.2026 – 11.05.2026	
7	Оформление ВКР	12.05.2026 – 24.05.2026	
8	Сдача ВКР нормоконтролю, проверка в системе «антиплагиат.вуз»	25.05.2026 – 5.06.2026	
9	Ознакомление с отзывом руководителя	6.06.2026	
10	Представление законченной бакалаврской работы, передача в ГЭК	8.06.2026	

Руководитель _____ / Г. Б. Новосельцева /
(подпись) (инициалы, фамилия)

Задание принял к исполнению студент _____ / А. А. Голикова /
(подпись) (инициалы, фамилия)

Реферат

Бакалаврская работа 55 с., 3 ч., 6 табл., 7 рис., 42 источника, 2 прил.

ЦИФРОВАЯ ДИПЛОМАТИЯ, РОССИЯ, ГОСУДАРСТВА ГЛОБАЛЬНОГО ЮГА, БРИКС, МЯГКАЯ СИЛА, ОСТРАЯ СИЛА, ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ

Объект исследования – цифровая дипломатия России и стран Глобального Юга.

Цель работы состоит в анализе развития цифровой дипломатии России и государств Глобального Юга.

Методологическую основу работы составили системный, институциональный и структурно-функциональный подходы, а также методы сравнительного анализа, анализа официальных документов и нормативных источников.

Результаты работы: рассмотрены теоретические основы и эволюция цифровой дипломатии; раскрыта сущность цифровой дипломатии как инструмента «мягкой» и «острой» силы; проанализированы национальные стратегии цифровой дипломатии Индии, Бразилии, Китая и ЮАР; охарактеризованы особенности цифровой дипломатии России в отношении государств Глобального Юга; выявлены основные проблемы и перспективы сотрудничества России со странами Глобального Юга в области цифровой дипломатии.

Рекомендации по внедрению. Материалы исследования могут быть использованы органами государственной власти, экспертно-аналитическими структурами, а также в учебном процессе при изучении международных отношений и мировой политики.

Теоретическая значимость работы состоит в систематизации подходов к исследованию цифровой дипломатии как гибридного феномена, сочетающего инструменты публичной дипломатии, цифрового влияния и технологического взаимодействия. Практическая значимость работы заключается в выявлении перспективных направлений сотрудничества России со странами Глобального Юга.

Прогнозные предположения о развитии объекта исследования. Перспективы развития цифровой дипломатии России и государств Глобального Юга связаны с расширением сотрудничества в рамках БРИКС+, развитием экспорта GovTech-решений и усилением конкуренции за стандарты, инфраструктуру и цифровые платформы в международной системе.

Summary

Bachelor's thesis, 55 pages, 3 parts, 6 tables, 7 figures, 42 sources, 2 applications.

DIGITAL DIPLOMACY, RUSSIA, GLOBAL SOUTH STATES, BRICS, DIGITAL SOVEREIGNTY, SOFT POWER, SHARP POWER, DIGITAL TRANSFORMATION

The object of the research is the digital diplomacy of Russia and the states of the Global South.

The purpose of the work is to analyze the development of digital diplomacy in Russia and the states of the Global South.

The methodological basis of the work consists of systemic, institutional, and structural-functional approaches, as well as methods of comparative analysis and the analysis of official documents and regulatory sources.

The results of the work: the theoretical foundations and evolution of digital diplomacy are examined; the essence of digital diplomacy as an instrument of soft and sharp power is revealed; the national digital diplomacy strategies of India, Brazil, China, and South Africa are analyzed; the specific features of Russia's digital diplomacy toward the states of the Global South are characterized; the main problems and prospects of Russia's cooperation with the countries of the Global South in the field of digital diplomacy are identified.

Recommendations for implementation. The research materials may be used by public authorities, expert and analytical institutions, as well as in the educational process when studying international relations and world politics.

The theoretical significance of the work lies in the systematization of approaches to the study of digital diplomacy as a hybrid phenomenon that combines instruments of public diplomacy, digital influence, and technological interaction. The practical significance of the work lies in identifying promising areas of cooperation between Russia and the countries of the Global South.

Forward-looking assumptions about the development of the research object. The prospects for the development of digital diplomacy in Russia and the states of the Global South are associated with the expansion of cooperation within BRICS+, the development of GovTech solution exports, and the intensification of competition for standards, infrastructure, and digital platforms in the international system.

Referat

Bachelor-Arbeit 55 Seiten, 3 Teile, 6 Tabellen, 7 Abbildungen, 42 Quellen, 2 Anhänges.

DIGITALE DIPLOMATIE, RUSSLAND, STAATEN DES GLOBALEN SÜDENS, BRICS, DIGITALE SOUVERÄNITÄT, WEICHE MACHT, HARTE MACHT, DIGITALE TRANSFORMATION

Das Forschungsobjekt ist die digitale Diplomatie Russlands und der Staaten des Globalen Südens.

Das Ziel der Arbeit besteht darin, die Entwicklung der digitalen Diplomatie Russlands und der Staaten des Globalen Südens zu analysieren.

Die methodologische Grundlage der Arbeit bilden systemische, institutionelle und struktur-funktionale Ansätze sowie Methoden des vergleichenden Analyseverfahrens und der Analyse offizieller Dokumente und normativer Quellen.

Die Ergebnisse der Arbeit: Die theoretischen Grundlagen und die Entwicklung der digitalen Diplomatie werden untersucht; das Wesen der digitalen Diplomatie als Instrument der weichen und harten Macht wird herausgearbeitet; die nationalen Strategien Indiens, Brasiliens, Chinas und Südafrikas werden analysiert; die Besonderheiten der russischen digitalen Diplomatie gegenüber den Staaten des Globalen Südens werden charakterisiert; die wichtigsten Probleme und Perspektiven der Zusammenarbeit im Bereich.

Hinweise zur Anwendung. Die Forschungsergebnisse können von staatlichen Behörden, Experten- und Analysezentren sowie im Bildungsprozess beim Studium der internationalen Beziehungen und der Weltpolitik genutzt werden.

Die theoretische Bedeutung der Arbeit besteht in der Systematisierung von Ansätzen zur Erforschung der digitalen Diplomatie als hybridem Phänomen. Die praktische Bedeutung der Arbeit liegt in der Identifizierung vielversprechender Kooperationsbereiche zwischen Russland und den Ländern des Globalen Südens.

Zukunftsgerichtete Annahmen über die Entwicklung des Forschungsgegenstands. Die Perspektiven der digitalen Diplomatie Russlands und der Staaten des Globalen Südens hängen mit der Ausweitung der Zusammenarbeit im Rahmen von BRICS+, der Entwicklung des Exports von GovTech-Lösungen sowie der zunehmenden Konkurrenz um Standards, Infrastruktur und digitale Plattformen zusammen.

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1 Теоретические основы анализа цифровой дипломатии в контексте международных отношений.....	7
1.1 Эволюция цифровой дипломатии в период 2000–2020-х годов.....	7
1.2 Цифровая дипломатия как проявление «мягкой силы» государств....	12
Глава 2 Цифровая дипломатия государств Глобального Юга: стратегии развития и региональное влияние.....	17
2.1 Национальные стратегии цифровой дипломатии Индии, Бразилии и ЮАР в условиях глобальной конкуренции.....	17
2.2 Китай как внешний актор цифровой трансформации государств Глобального Юга.....	23
Глава 3 Россия и страны Глобального Юга: взаимодействие в сфере цифровой дипломатии.....	28
3.1 Особенности цифровой дипломатии России в государствах Глобального Юга.....	28
3.2 Проблемы и перспективы сотрудничества России с государствами Глобального Юга в области цифровой дипломатии.....	34
Заключение.....	42
Список использованных источников.....	44
Приложение А.....	49
Приложение Б.....	50

Введение

Актуальность исследования цифровой дипломатии России и государств Глобального Юга заключается в том, что сотрудничество в цифровой сфере между Россией и странами Глобального Юга в условиях глобализации, цифровой трансформации и меняющейся геополитической архитектуры мира служит важнейшим фактором укрепления экономической, технологической и политической независимости развивающихся стран. Для России это особенно важно в контексте реализации стратегии перехода к многополярному миру, где цифровая дипломатия выступает ключевым инструментом продвижения национальных интересов, укрепления позиций в БРИКС и противодействия западному технологическому доминированию. Цифровая дипломатия, понимаемая как использование цифровых платформ, социальных сетей и информационно-коммуникационных технологий для реализации целей внешней политики, становится одним из ключевых инструментов реализации внешней политики государств на современном этапе, способствуя расширению сфер сотрудничества, углублению экономических связей, продвижению национальных интересов в информационном пространстве и укреплению положения стран в глобальной иерархии.

В условиях роста технологического соперничества между Соединенными Штатами и Китаем, а также попыток западных держав установить монополию на формирование глобальных цифровых стандартов, сотрудничество России со странами Глобального Юга в области цифровых технологий, кибербезопасности и цифровой дипломатии приобретает все большее значение в качестве механизма обеспечения цифрового суверенитета и повышения влияния развивающихся государств в системе международных отношений.

Государства Глобального Юга – Индия, Бразилия, Южно-Африканская Республика и др. – активно развивают собственные стратегии цифровой дипломатии, рассматривая цифровизацию не только как инструмент экономической модернизации, но и как средство повышения своего политического влияния и защиты от информационного доминирования западных держав. Россия, в свою очередь, расширяет практику цифровой дипломатии и углубляет партнерские отношения в

области цифровых технологий со странами Глобального Юга, особенно в рамках формата БРИКС.

Анализ научной литературы показывает, что вопросы цифровой дипломатии России и государств Глобального Юга получили определенное внимание в отечественной и зарубежной науке о международных отношениях. Ключевые тенденции развития цифровой дипломатии рассматриваются в работах таких авторов, как А. В. Шоботенко, занимающейся исследованием цифровой дипломатии как инструмента внешнеполитической деятельности России, С. В. Кривохиж и М. П. Теленьга, анализирующих трансформацию цифровой дипломатии в условиях американо-китайского технологического соперничества. Вопросы, связанные с цифровым суверенитетом и цифровым развитием стран БРИКС, исследовались в публикациях Ю. Л. Растопчиной и Е. И. Ковалевой, которые провели сравнительный анализ цифровизации в странах альянса. Стратегии цифрового развития ключевых государств Глобального Юга в условиях американо-китайского технологического соперничества детально рассмотрены в цикле работ, опубликованных в журнале «Вестник Российского университета дружбы народов».

Статистические данные и аналитические материалы о развитии цифровой экономики и цифровой дипломатии предоставляются такими авторитетными источниками, как аналитические центры Российского совета по международным делам (РСМД), Центр стратегических разработок, а также международные организации, включая Международный союз электросвязи, Форум экономического сотрудничества БРИКС и Организацию экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). Официальные документы, принятые на саммитах БРИКС содержат важную информацию о стратегических приоритетах государств в области цифрового развития и цифрового суверенитета.

Однако, несмотря на наличие ряда отдельных исследований, в российской науке о международных отношениях существует заметный дефицит комплексного и систематического анализа цифровой дипломатии России в контексте ее взаимодействия со странами Глобального Юга. Большинство существующих работ либо сосредотачиваются на практике одного конкретного государства, либо

рассматривают цифровую дипломатию отдельно от геополитического контекста, в котором она развивается. Кроме того, недостаточно изучены механизмы сотрудничества между Россией и различными государствами Глобального Юга в области цифровых технологий, остаются неясными специфические черты национальных стратегий цифровой дипломатии Индии, Бразилии, ЮАР и других ключевых стран региона.

Цель исследования – проанализировать развитие цифровой дипломатии России и государств Глобального Юга, выявить их национальные стратегии и инструменты реализации, а также определить характер и перспективы их взаимодействия в цифровой сфере.

Для достижения поставленной цели предлагаются следующие задачи:

- рассмотреть теоретические основы и определение цифровой дипломатии, ее компоненты, инструменты и эволюцию в период 2000–2020-х гг.;
- проанализировать цифровую дипломатию как проявление концепций «мягкой силы» государств в условиях геополитической конкуренции;
- изучить национальные стратегии цифровой дипломатии Индии, Бразилии и ЮАР и особенности их региональной политики;
- исследовать практику и модели цифровой дипломатии Китая в Африке и Азии как альтернативный подход к взаимодействию с развивающимися странами;
- проанализировать развитие цифровой дипломатии России, ее стратегические приоритеты и основные инструменты реализации;
- выявить форматы, механизмы и результаты сотрудничества России с государствами Глобального Юга в области цифровизации, цифровых технологий и цифрового суверенитета.

Объект исследования – цифровая дипломатия России и государств Глобального Юга. Предмет исследования – особенности, стратегии, инструменты и основные направления реализации цифровой дипломатии России и государств Глобального Юга, а также форматы их взаимодействия в условиях цифровой трансформации.

Методологическая основа исследования базируется на системном и институциональном подходах, структурно-функциональном подходе, методах

сравнительного анализа, а также анализе официальных документов и нормативных источников.

Теоретическая и практическая значимость исследования заключается в комплексном рассмотрении цифровой дипломатии как инструмента внешней политики на примере России и государств Глобального Юга.

Глава 1 Теоретические основы анализа цифровой дипломатии в контексте международных отношений

1.1 Эволюция цифровой дипломатии в период 2000–2020-х годов

Цифровая дипломатия в современном понимании представляет собой правительственный механизм влияния на пользователей социальных сетей для достижения целей внешней политики государства. Это определение отражает качественный сдвиг как в инструментах (от традиционных СМИ к интерактивным платформам, алгоритмам и большим данным), так и в парадигме (от одностороннего вещания к прямому диалогу и влиянию на зарубежную аудиторию). Если классическая публичная дипломатия опиралась на традиционные СМИ, академические обмены и культурные программы, то цифровая дипломатия использует интерактивные платформы, алгоритмы и большие данные для прямого взаимодействия с зарубежной аудиторией.

Активное развитие социальных сетей (особенно *Twitter*, *YouTube*) привело к выходу публичной дипломатии на новый уровень. Барак Обама является одним из первых политических лидеров, который систематически использовал социальные сети для политических целей, однако осознание цифровой дипломатии как отдельного инструмента возникло лишь в конце 2000-х гг., когда государственные структуры США, России, Франции, Германии, Китая и других стран начали создавать официальные профили на социальных сетях и запускать цифровые медиа-каналы (*Voice of America*, *Russia Today*, *PressTV*) [8, с. 82]. Цифровая дипломатия как правительственный механизм влияния на пользователей социальных сетей появилась в системе международных отношений примерно в 2009–2010 гг. [12, с. 37–38].

Важной особенностью цифровой дипломатии является радикальное изменение круга участников. Если в классической дипломатии ключевыми акторами были исключительно государства и их официальные представители, то в цифровую эпоху в дипломатический процесс активно включаются негосударственные организации, гражданское общество, активисты, блогеры и обычные граждане. Дипломаты и

министерства иностранных дел утратили свою монополию на дипломатическое общение; цифровой мир превратился в конкурентную арену, где множество участников соперничают за внимание аудитории [7, с. 143].

Анализ практик государственных аккаунтов, медиа-платформ и академических исследований позволяет выделить следующие компоненты цифровой дипломатии:

1 Прямая коммуникация с аудиторией через личные аккаунты лидеров и официальные государственные каналы. Деятельность по использованию *Twitter* в дипломатических целях получила название твипломатия (*twiplomacy*) – двусторонний диалог между государством и иностранной аудиторией [7, с. 151]. *Twitter* является одним из наиболее эффективных и гибких средств коммуникации с сообществом [15].

2 Использование хэштегов и трендовых тем для мобилизации и продвижения определенных нарративов. Продвижение хэштега, который раскрывает подробности определенной проблемы, – важный метод, вошедший в арсенал современной дипломатии. Значительную роль они сыграли для мобилизации молодежи во время «арабской весны» и московских протестов в 2011 г.

3 Целевая фильтрация аудитории и тегирование пользователей с разными политическими взглядами. Эффективность месседжа в цифровой дипломатии достигается не ограничением аудитории, а максимальным расширением политического спектра читателей, слушателей и зрителей. Правильное тегирование пользователей и их фильтрация стали базовыми принципами современной цифровой дипломатии [13, с. 39–41].

4 Анализ и манипуляция эмоциональным контентом – использование полярных мнений, критики, дезинформации как способ привлечения внимания;

5 Использование ботов и автоматизации для масштабирования распространения информации, а также применение искусственного интеллекта как средства для ведения переписки и реакции на комментарии [12, с. 40–42].

6 Координация с международными медиакомпаниями и строительство собственных медиа-платформ (*RT*, *Sputnik* и т.п.) для расширения охвата аудитории, повышение узнаваемости государства на международной арене [8, с. 84–85].

Развитие цифровой дипломатии можно разделить на три дискретных этапа, каждый из которых характеризуется своей логикой, инструментарием и целями. Этапы развития цифровой дипломатии представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Основные этапы развития цифровой дипломатии [составлено автором по: 7, с. 151; 12, с. 39–44]

Этап	Период	Ключевая логика	Инструменты	События-триггеры
I Этап становления цифровой дипломатии	2009–2012 гг.	Продвижение позитивного образа государства, диалог, убеждение	Аккаунты в социальных сетях (<i>Facebook*</i> , <i>Twitter</i>), международные медиаканалы, твипломатия	Твиттер-революции, Хиллари Клинтон как госсекретарь
II Этап политизации и инструментализации цифровой дипломатии	2013–2017 гг.	Манипуляция через большие данные, пропаганда, критика, влияние на выборы	<i>Big Data</i> анализ, алгоритмы профилирования, информационные кампании, дезинформация	Выборы США 2016, обвинения России в вмешательстве
III Этап автоматизации и интеллектуализации цифровой дипломатии	2018 г. – настоящее время	Использование ИИ для автоматической генерации контента, большие данные	ИИ-боты, нейросети для анализа настроений, автоматическое составление месседжей	<i>COVID-19</i> , усиление цифровой поляризации

Примечание – * – Meta Platforms Inc. признана в РФ экстремистской организацией и запрещена на территории Российской Федерации

Первый этап (2009–2012 гг.) ознаменовался созданием официальных государственных аккаунтов в социальных сетях. Цифровая дипломатия начала использоваться для продвижения позитивного образа государства. Тогда еще не существовало идей о стратегии цифровой дипломатии или цифровых информационных кампаниях. Многие эксперты связывают развитие цифровой дипломатии в тот период с явлениями, такими как твиттер революции и «твипломатия» [12, с. 38].

Второй этап (2013–2017 гг.) ознаменовался появлением новых методов анализа поведения пользователей социальных сетей. Это сделало цифровую дипломатию

крайне эффективным средством для проведения политических кампаний, выборов или протестных акций. Этот этап в развитии цифровой дипломатии связывают с президентской избирательной кампанией в США 2016 г. и обвинениями Российской Федерации в осуществлении целенаправленной цифровой дипломатии [12, с. 39].

Третий этап (2018 г. – настоящее время) характеризуется интеграцией искусственного интеллекта и обработки больших данных в инструментарий цифровой дипломатии. Обработка больших данных и использование искусственного интеллекта для подготовки эффективных постов, формирования убедительных ответов на комментарии пользователей, поиска источников дезинформации стали трендами 2020-х гг. На этом этапе появилась так называемая дипломатия данных, которая позволяет специалистам формировать стратегии цифровой дипломатии и составлять эффективные посты [12, с. 45].

Исследователи единодушно видят истоки цифровой дипломатии в политике Соединенных штатов. Использование новых технологий в рамках реализации внешнеполитического курса началось с периода нахождения Хиллари Клинтон на посту государственного секретаря, поскольку именно тогда социальные сети стали неотъемлемой частью многих программ, осуществляемых под эгидой Государственного департамента [7, с. 143].

Примеру Соединенных Штатов последовали другие государства, и в настоящее время для посольств и консульств стало обычным делом иметь интерактивные онлайн-сайты, а для государственных ведомств – аккаунты в социальных сетях. Согласно данным, две трети из 193 стран, являющихся членами Организации Объединенных Наций, имеют постоянно обновляющиеся *Twitter*-аккаунты [7, с. 147].

Китайские исследователи заинтересовались изучением цифровой дипломатии в начале 2000-х гг. С 2010-х гг. тема приобрела широкую популярность в китайских академических кругах, и китайские исследователи озаботились теоретическими вопросами цифровой дипломатии. В китайской научной литературе можно встретить такие варианты перевода термина, как *dianzi waijiao* (электронная дипломатия), *hulianwang waijiao* (интернет-дипломатия), *E-waijiao* (е-дипломатия), и наиболее используемым термином стал *wangluo waijiao* (сетевая дипломатия) [7, с. 149].

Спектр воздействия цифровой дипломатии на зарубежное общество варьируется от влияния на выборы и смены политического режима до установления диалога, сотрудничества и распространения идей и ценностей [3, с. 32].

Цифровая дипломатия требует использования особых методов анализа. Самые распространенные методы представлены на рисунке 1.

Рисунок 1 – Методы анализа цифровой дипломатии

[составлено автором по: 12, с. 43]

Указанные методы реализуются с использованием двух категорий программного обеспечения. В первом случае применяются готовые алгоритмы и программные продукты (например, *Netlytic*, *SocioViz*, *NVivo* и др.), однако такой подход обеспечивает лишь ограниченный анализ, основанный на так называемых «малых данных». Применение алгоритмов обработки больших данных существенно расширяет исследовательские возможности и позволяет глубже анализировать политические процессы и информационные кампании в зарубежных странах. Например, при исследовании информационной войны вокруг Сирии был осуществлен анализ больших данных, в ходе которого были собраны более 34 млн твитов и постов. Таким образом, изучение цифровой дипломатии позволяет более

точно интерпретировать расстановку политических сил в международной среде [12, с. 42–43].

Итак, цифровая дипломатия представляет собой качественно новый этап развития публичной дипломатии, в котором государства используют социальные сети, цифровые технологии, данные и искусственный интеллект для влияния на иностранную аудиторию и достижения внешнеполитических целей. За период с 2009 по 2020-е гг. она эволюционировала от простого продвижения позитивного образа государства к комплексным гибридным стратегиям, сочетающим мягкую и острую силу, анализ больших данных и искусственный интеллект.

1.2 Цифровая дипломатия как проявление «мягкой силы» государств

Понимание цифровой дипломатии как инструмента внешней политики невозможно без анализа ее связи с концепцией «мягкой силы». Джозеф Най определяет мягкую силу как способность государства добиваться желаемых результатов благодаря привлекательности его культуры, ценностей и политики, а не через принуждение или выплаты. Он подчеркивает, что мягкая сила зависит от способности формировать предпочтения других: «Если я смогу убедить вас хотеть то же самое, что я хочу, то мне не придется вас заставлять» [35, с. 94]. В рамках цифровой дипломатии мягкая сила реализуется посредством использования социальных сетей, веб-платформ и информационно-коммуникационных технологий для влияния на целевую аудиторию путем убеждения, вовлечения и демонстрации привлекательности государственной позиции [24, с. 80].

Согласно теории Дж. Ная, публичная дипломатия является инструментом, который правительства используют для мобилизации ресурсов мягкой силы в целях коммуникации и привлечения общественности других стран, а не только их правительств [20, с. 47].

На раннем этапе развития цифровой дипломатии государства ориентировались преимущественно на стратегию мягкой силы, используя социальные сети для продвижения позитивного образа страны, ее культурного наследия и ценностей.

Однако дальнейшее развитие цифровых платформ продемонстрировало трансформацию классического подхода к мягкой силе и постепенное включение в цифровую дипломатию элементов иной логики воздействия. Речь идет о стратегии «острой силы», которая строится не на привлекательности, а на манипулировании информационными потоками, распространении пропаганды и целевом воздействии на отдельные общественные группы [9, с. 186].

Возникновение «острой силы» связано с изменением самой информационной среды. Как отмечает Джозеф Най, в условиях информационной перегрузки дефицитным ресурсом становится уже не информация как таковая, а внимание аудитории [35, с. 99]. Именно поэтому в цифровой дипломатии все большую роль начинают играть не только содержание политического сообщения, но и способы его продвижения, эмоциональная упаковка, алгоритмическое распространение и способность быстро влиять на интерпретацию событий зарубежной аудиторией. В результате цифровая дипломатия перестает быть исключительно инструментом формирования привлекательного образа государства и все чаще используется как средство конкурентной борьбы в информационном пространстве [12, с. 40].

Исследование *Collins, DeWitt u LeFebvre* показало, что цифровая дипломатия администрации Барака Обамы в *Twitter* носила преимущественно рациональный характер и в целом соответствовала заявленным внешнеполитическим приоритетам США [24, с. 80–81]. Это важно, поскольку демонстрирует: даже при использовании одной и той же платформы цифровая дипломатия может быть встроена в последовательную внешнеполитическую стратегию, а не представлять собой набор разрозненных информационных действий. Вместе с тем по мере развития технологий и усложнения международной конкуренции государства стали использовать цифровые каналы не только для информирования и убеждения, но и для критики оппонентов, усиления поляризации и продвижения конфликтных нарративов.

Таким образом, современная цифровая дипломатия находится на пересечении логики мягкой и острой силы. С одной стороны, она сохраняет классические черты публичной дипломатии: продвижение позитивного образа государства, расширение культурного присутствия, формирование доверия и повышение узнаваемости страны

за рубежом [35, с. 101–103]. С другой стороны, цифровая среда создает условия для применения инструментов, ориентированных на подрыв позиций соперника, распространение дезинформации и управление вниманием аудитории в условиях высокой информационной конкуренции [9, с. 188; 12, с. 41–42].

Применение инструментов мягкой и острой силы в цифровой дипломатии представлено в приложении А (таблица А.1).

Данные показывают, что одни и те же инструменты цифровой дипломатии могут использоваться в разных стратегических режимах. Если в логике мягкой силы они ориентированы на привлечение, убеждение и выстраивание доверия, то в логике острой силы те же платформы и цифровые технологии превращаются в средство давления, дискредитации и управляемой поляризации. Поэтому разграничение между ними в цифровой дипломатии должно строиться не столько по техническому критерию, сколько по политической цели, содержанию сообщения и ожидаемому эффекту воздействия на аудиторию.

Теоретический анализ цифровой дипломатии в контексте мягкой и острой силы требует обращения к двум парадигмам теории международных отношений: реализму и конструктивизму.

С позиции реализма цифровая дипломатия рассматривается как инструмент борьбы за власть и влияние в международной системе, где государства конкурируют за пространство в информационном поле. Реалистический подход подчеркивает, что, несмотря на видимую открытость социальных сетей, государство остается ключевым субъектом, создающим и направляющим информационный контент в целях реализации своих национальных интересов и обеспечения безопасности. В этом смысле цифровая дипломатия выступает продолжением общей внешнеполитической стратегии государства, но в новых технологических условиях.

Конструктивистский подход, напротив, акцентирует внимание на процессах формирования идентичностей, ценностей и смыслов посредством цифровых коммуникаций. Анализ реакций пользователей, тональности комментариев и восприятия информационных сообщений различными группами аудитории позволяет понять, как цифровые нарративы влияют на общественное мнение и

политические предпочтения [12, с. 44]. В данном случае цифровая дипломатия рассматривается не только как инструмент внешнеполитического воздействия, но и как механизм производства символических значений в международной среде. Именно поэтому конструктивизм особенно полезен для изучения того, как государства через цифровые платформы формируют представления о себе, своих партнерах и оппонентах.

Для более наглядного сопоставления позиций реализма и конструктивизма в исследовании цифровой дипломатии их основные характеристики представлены в таблице 2.

Таблица 2 – Реализм и конструктивизм в анализе цифровой дипломатии [составлено автором по: 12, с. 44–45]

Критерий	Реализм	Конструктивизм
Основной фокус	Борьба за власть, влияние и безопасность в международной системе.	Формирование идентичностей, ценностей, смыслов и общественных представлений.
Роль государства	Государство – главный актор, контролирующий цифровую дипломатию и информационный контент.	Государство – один из акторов, но важны также аудитории, сети и дискурсы.
Цифровая дипломатия	Инструмент внешнеполитического влияния и конкуренции за информационное пространство.	Механизм конструирования образов, нарративов и символических значений.
Связь с «мягкой силой»	Позволяет усиливать привлекательность и внешнеполитическое присутствие государства.	Объясняет, как формируются позитивные образы и доверие через коммуникацию.
Связь с «острой силой»	Рассматривается как средство давления, манипуляции и информационного соперничества.	Помогает понять, как через цифровые нарративы создаются поляризация и конкурирующие смыслы.

Можно сделать вывод, что реализм позволяет рассматривать цифровую дипломатию прежде всего как инструмент борьбы за влияние и безопасность в международной системе, тогда как конструктивизм раскрывает ее как механизм формирования смыслов, идентичностей и общественных представлений. В контексте мягкой и острой силы это различие особенно важно, поскольку одна и та же цифровая практика может использоваться как для привлечения аудитории, так и для управления ее восприятием.

Особое место в современной цифровой дипломатии занимает дипломатия данных. Как показывают Н. А. Цветкова и Н. М. Кузнецов, использование больших данных становится основой как для более точного продвижения привлекательного внешнеполитического образа государства, так и для более адресного воздействия на зарубежную аудиторию [13, с. 27–28]. В логике мягкой силы это позволяет усиливать убеждающий и вовлекающий потенциал цифровой коммуникации, а в логике острой силы – точнее таргетировать сообщения, управлять эмоциональной реакцией и использовать информационную среду для скрытого влияния.

Цифровые технологии не просто ускоряют коммуникацию, а перестраивают ее логику, создавая новые каналы продвижения «мягкой силы» и новые инструменты реализации «острой силы». Это особенно заметно в ситуации, когда цифровая среда одновременно выступает пространством сотрудничества, конкуренции, информационного противоборства и символической борьбы за интерпретацию международных событий. В результате государства получают возможность не только расширять свое присутствие в глобальном информационном пространстве, но и активнее влиять на способы восприятия собственной политики зарубежной аудиторией.

Таким образом, цифровая дипломатия представляет собой не просто новое техническое средство публичной дипломатии, а более широкую форму внешнеполитического влияния, в которой инструменты «мягкой» и «острой силы» взаимно дополняют друг друга.

Глава 2 Цифровая дипломатия государств Глобального Юга: стратегии развития и региональное влияние

2.1 Национальные стратегии цифровой дипломатии Индии, Бразилии и ЮАР в условиях глобальной конкуренции

Теоретические подходы к цифровой дипломатии, рассмотренные в первой главе, получают конкретное практическое воплощение в стратегиях государств Глобального Юга, использующих цифровые инструменты для укрепления международных позиций, продвижения национальных интересов и расширения регионального влияния. Индия, Бразилия и ЮАР демонстрируют различные модели цифровой дипломатии, отражающие как особенности их внутреннего цифрового развития, так и специфику внешнеполитических приоритетов [11, с. 225; 41, с. 345].

В связи с этим представляется целесообразным на данном этапе четко обозначить ключевые факторы, определяющие потенциал и эффективность цифровой дипломатии государств Глобального Юга. К ним относятся, во-первых, технические и технологические параметры, включая уровень развития цифровой инфраструктуры, степень интернет-проникновения, доступность высокоскоростных сетей и наличие национальных цифровых платформ. Во-вторых, экономические условия, такие как общий уровень социально-экономического развития, объем инвестиций в цифровую сферу и способность государств финансировать внешнеполитические цифровые инициативы. В-третьих, социокультурные особенности, охватывающие уровень цифровой грамотности населения, преобладающие медиа-практики, языковые барьеры и отношение общества к государственным институтам и цифровым каналам коммуникации. Различия в сочетании этих технологических, экономических и культурных факторов в Индии, Бразилии и ЮАР во многом предопределяют различный уровень развития и специфику национальных стратегий цифровой дипломатии в этих странах [11, с. 228; 33, с. 387].

Индия выстраивает одну из наиболее институционализированных моделей цифровой дипломатии среди государств Глобального Юга, связывая ее не только с

публичной коммуникацией, но и с продвижением собственной модели цифрового развития на международной арене [37]. В центре индийского подхода находится цифровая общественная инфраструктура (*DPI*), в рамках которой такие решения, как *Aadhaar*, *UPI* и *BharatNet*, рассматриваются не только как внутренние цифровые платформы, но и как инструменты демонстрации эффективности индийской модели инклюзивной цифровизации [36]. Именно поэтому Индия все чаще позиционирует себя как поставщика масштабируемых цифровых решений для государств Глобального Юга, связывая цифровую дипломатию с вопросами развития, финансовой доступности и технологического суверенитета [32].

Значимым элементом индийской цифровой дипломатии остается и активное использование цифровых платформ для международного позиционирования страны. Исследователи отмечают, что *Twitter*, *YouTube* и официальные цифровые каналы индийских государственных структур стали важным инструментом внешнеполитического присутствия, особенно в отношении стран БРИКС, ШОС и индийской диаспоры [37]. На встрече министров связи БРИКС в 2025 г. индийская сторона представила цифровую публичную инфраструктуру как ориентир инклюзивного цифрового развития и подчеркнула необходимость расширения сотрудничества в сфере цифровой инфраструктуры, защиты данных и кибербезопасности. Таким образом, индийская модель цифровой дипломатии опирается не столько на абстрактное продвижение позитивного имиджа государства, сколько на экспорт управленческой и технологической модели, превращающей цифровую политику в ресурс внешнеполитического влияния [33, с. 385].

Бразилия, в отличие от Индии, делает акцент прежде всего на нормативно-правовом и многостороннем измерении цифровой дипломатии [11, с. 225]. Ключевым символом бразильского подхода стал *Marco Civil da Internet*, закрепивший принципы свободы выражения мнений, сетевой нейтральности и защиты прав интернет-пользователей. Усиление этой повестки было связано и с реакцией Бразилии на международные скандалы вокруг цифрового наблюдения, что придало дополнительный импульс дискуссиям о цифровом суверенитете и автономии в киберпространстве [21].

В последующие годы бразильская цифровая дипломатия приобрела более выраженное институциональное измерение. Аналитики отмечают, что Бразилия заняла заметное место в международных дискуссиях о кибербезопасности, защите данных и правилах поведения государств в киберпространстве, сочетая ориентацию на цифровые права с активным участием в глобальном нормотворчестве. Назначение в 2019 г. первого кибер-дипломата стало важным шагом в институционализации этой линии и позволило Бразилии активнее участвовать в профильных международных переговорах. В результате бразильская модель цифровой дипломатии может быть охарактеризована как стратегия нормативного лидерства, в которой цифровые технологии используются не только для внешней коммуникации, но и для продвижения правовых и политических принципов регулирования интернет-пространства [22].

Дополнительной особенностью бразильского подхода является стремление к диверсификации внешних цифровых партнерств. Через механизмы МЕРКОСУР и более широкое участие в международных цифровых дискуссиях Бразилия продвигает гибкую модель взаимодействия, предполагающую сотрудничество одновременно с США, ЕС, Китаем и другими технологическими центрами. В этом смысле ее цифровая дипломатия опирается не на экспорт одной универсальной платформы, как в случае Индии, а на способность формировать правила, нормы и переговорные позиции в сфере глобального управления интернетом и киберпространством на мировой арене [11, с. 225; 42].

ЮАР представляет иную модель, в которой цифровая дипломатия тесно связана с задачами преодоления цифрового неравенства и укрепления регионального лидерства на африканском континенте. В отличие от Индии и Бразилии, ЮАР вынуждена развивать цифровую дипломатию в условиях более выраженных инфраструктурных ограничений, что делает внутреннюю цифровую трансформацию необходимой предпосылкой для внешнего цифрового влияния [18]. Основой южноафриканского подхода стала *Integrated ICT Policy*, ориентированная на развитие цифровой инфраструктуры, расширение доступа к интернету и сокращение цифрового разрыва [41, с. 345].

Несмотря на эти ограничения, ЮАР выработала собственные инструменты цифрового внешнеполитического присутствия. Одним из наиболее показательных примеров стала *Ubuntu Radio*, запущенная *DIRCO* в 2013 г. как интернет-вещание, ориентированное на продвижение южноафриканской внешнеполитической повестки, культуры и ценностей [38].

В более широком смысле цифровая дипломатия ЮАР опирается на логику «*Ubuntu diplomacy*», предполагающую акцент на солидарности, африканском сотрудничестве и многосторонности [17]. При этом потенциал южноафриканской цифровой дипломатии по-прежнему ограничивается инфраструктурными проблемами, кадровыми дефицитами и уязвимостью к дезинформации.

Сопоставление трех рассматриваемых стран показывает, что различия между ними проявляются не только в наборе используемых инструментов, но и в самой логике цифровой дипломатии:

- Индия использует цифровую дипломатию как средство экспорта собственной инфраструктурной модели и демонстрации эффективности национальной цифровой трансформации [31].

- Бразилия делает ставку на цифровые права, кибердипломатию и многостороннее регулирование глобального интернет-пространства [11, с. 226; 42].

- ЮАР, в свою очередь, связывает цифровую дипломатию с задачами инклюзивного развития, сокращения цифрового разрыва и укрепления регионального лидерства в Африке [41, с. 345; 38].

Таблица 3 демонстрирует сравнительные особенности национальных стратегий цифровой дипломатии Индии, Бразилии и ЮАР.

Важным фактором, определяющим различия в цифровой дипломатии Индии, Бразилии и ЮАР, выступает глобальный цифровой разрыв – неравномерное распределение интернет-доступа и цифровых возможностей между регионами мира. Особенно заметен этот дисбаланс в Африке, где уровень интернет-проникновения существенно уступает показателям Европы, Северной Америки и Латинской Америки, что напрямую влияет на институциональные и технологические возможности государств региона в сфере цифровой дипломатии.

Таблица 3 – Сравнительный анализ национальных стратегий цифровой дипломатии
[составлено автором по: 33, с. 385; 37; 41, с. 345; 11, с. 225]

Страна	Основная стратегия	Основные платформы	Ключевые инициативы	Целевая аудитория
Индия	Цифровая публичная инфраструктура (DPI), экспорт цифровой модели развития	<i>Twitter, YouTube, официальный сайт МИД, платформы Digital India</i>	<i>Aadhaar, UPI, BharatNet</i>	Страны БРИКС, ШОС, государства Глобального Юга, диаспора
Бразилия	Кибердипломатия, управление интернетом, многосторонний подход	Официальные цифровые каналы МИД, международные киберформаты	<i>Marco Civil da Internet</i> , институционализация кибердипломатии после 2019 г.	Латинская Америка, МЕРКОСУР, глобальные форумы
ЮАР	Цифровое развитие, сокращение цифрового разрыва, публичная дипломатия в логике Ubuntu	<i>Twitter, Facebook*, Ubuntu Radio, официальный сайт DIRCO</i>	<i>Integrated ICT Policy, Ubuntu Radio</i>	Африка, развивающиеся страны, региональные партнеры

Для ЮАР это означает необходимость одновременно развивать внешнеполитическое цифровое присутствие и компенсировать внутренние инфраструктурные ограничения, тогда как Индия и Бразилия располагают более благоприятной базой для продвижения своих цифровых моделей на внешнюю аудиторию [41, с. 345; 33, с. 385; 11, с. 225].

На рисунке 2 представлена динамика уровня интернет-проникновения и темпов расширения доступа к сети в различных регионах мира в 2000–2020 гг., позволяющая наглядно сопоставить различия между регионами по скорости цифрового развития.

Как видно из рисунка 2, наиболее высокий уровень интернет-проникновения наблюдается в Северной Америке и Европе, тогда как Африка демонстрирует самые низкие показатели как по уровню доступа, так и по темпам его прироста за длительный период. Латинская Америка и Карибский бассейн, напротив, показывают более высокую динамику роста, что частично объясняет более благоприятные условия для развития цифровой дипломатии Бразилии по сравнению с государствами Африки [41, с. 346].

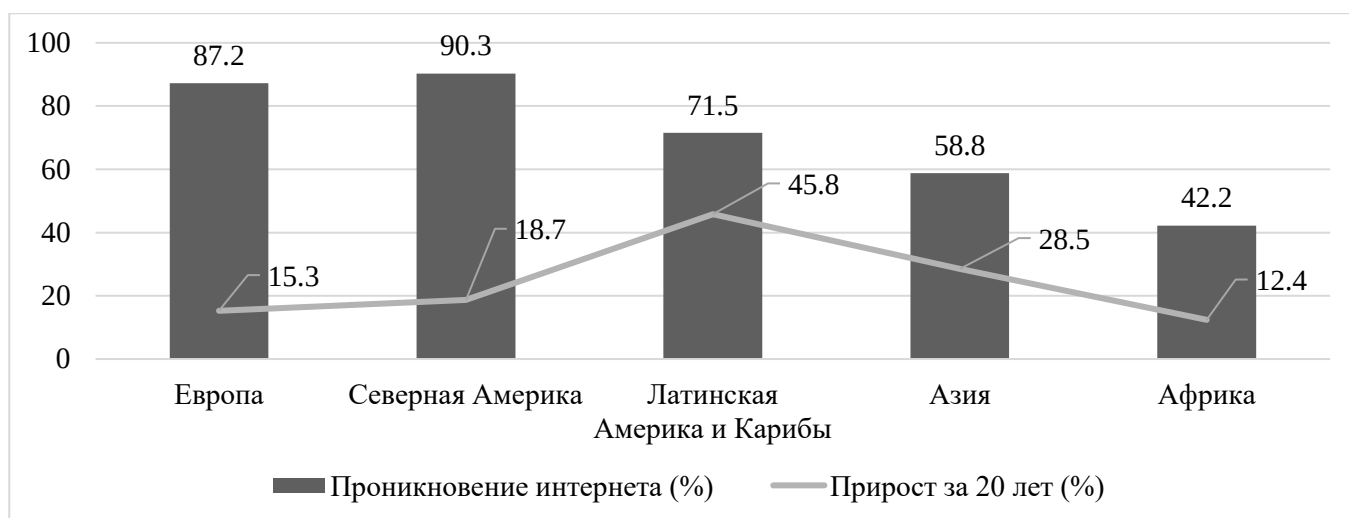

Рисунок 2 – Сравнение уровня интернет-проникновения и темпов роста доступа по регионам мира, % (2000–2020 гг.) [41]

Итак, национальные стратегии цифровой дипломатии Индии, Бразилии и ЮАР отражают разные траектории включения государств Глобального Юга в современное цифровое международное пространство. Индия продвигает инфраструктурную и технологическую модель развития, Бразилия – правовые и дипломатические нормы регулирования цифровой среды, а ЮАР – инклюзивную и регионально ориентированную модель цифрового присутствия. Эти различия показывают, что цифровая дипломатия государств Глобального Юга не является однородным явлением, а формируется под воздействием разных технологических возможностей, политических приоритетов и международных ролей.

2.2 Китай как внешний актор цифровой трансформации государств Глобального Юга

Китай рассматривается в качестве внешнего актора цифровой трансформации государств Глобального Юга, поскольку он выступает внешним поставщиком инфраструктуры, технологий и моделей регулирования. Расширение китайского присутствия в цифровой сфере государств Глобального Юга тесно связано с инициативой «Пояс и путь» и ее цифровым измерением – Цифровой шелковый путь, в рамках которого Китай продвигает телекоммуникационные сети, облачные

сервисы, платформы электронной коммерции, системы «умных городов» и решения в сфере цифровых платежей [40, с. 111; 25]. В более широком плане такая стратегия укладывается в общую логику цифровой повестки БРИКС, где Россия и Китай занимали наиболее заметные позиции в вопросах инфраструктуры, платформенного регулирования и информационной безопасности [4, с. 31–33; 11, с. 231].

Наиболее заметно китайская цифровая дипломатия проявилась в Африке, где ключевыми проводниками китайского влияния стали корпорации *Huawei* и *ZTE* [26, с. 14–15]. Так, *Huawei* начала работу в Тунисе еще в 1999 г., а в дальнейшем укрепила свои позиции в телекоммуникационном секторе стран Северной Африки, включая проекты в Египте и Ливии, тогда как *ZTE* также участвовала в развитии сетей и телекоммуникационных решений в регионе. В данном случае коммерческий контракт превращается в механизм инфраструктурного присутствия, поскольку страна-получатель получает доступ к технологиям, а Китай – долговременное влияние на архитектуру цифровой среды [40, с. 120–123].

Для оценки структурных условий, способствовавших расширению китайского цифрового присутствия, необходимо обратиться к базовым показателям цифрового развития стран Северной Африки (рисунки 3–6).

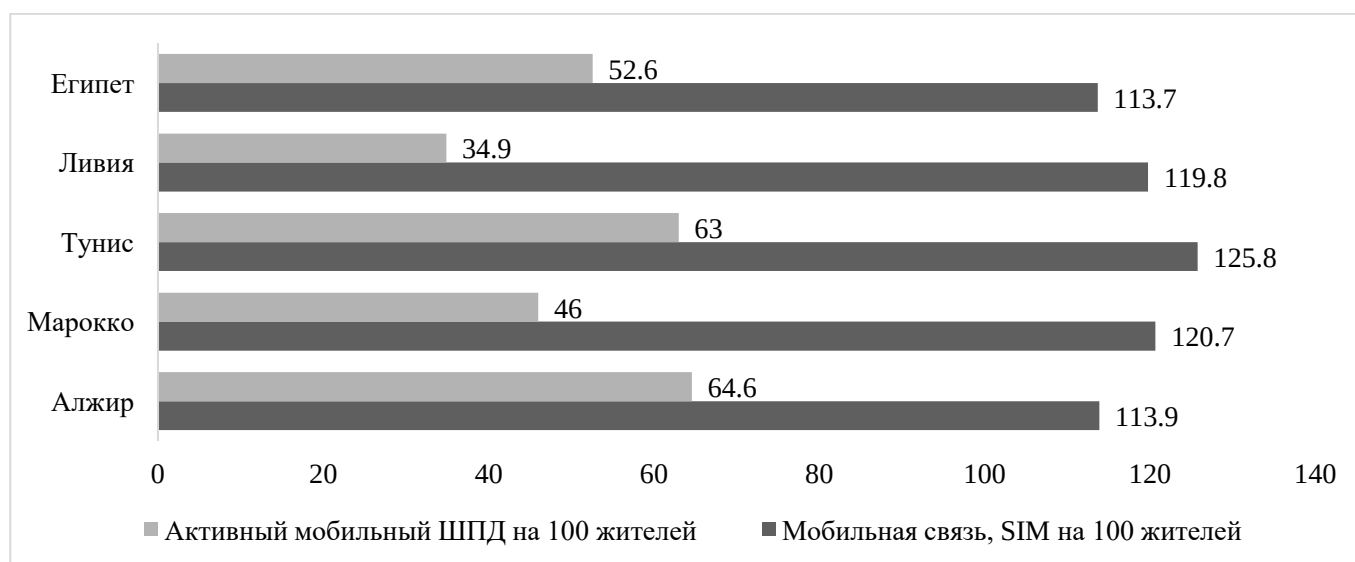

Рисунок 3 – Уровень развития мобильной связи и мобильного широкополосного доступа в странах Северной Африки [составлено автором по: 40, с. 119]

Рисунок 4 – Покрытие сетями 3G населения стран Северной Африки, % населения
[составлено автором по: 40, с. 119]

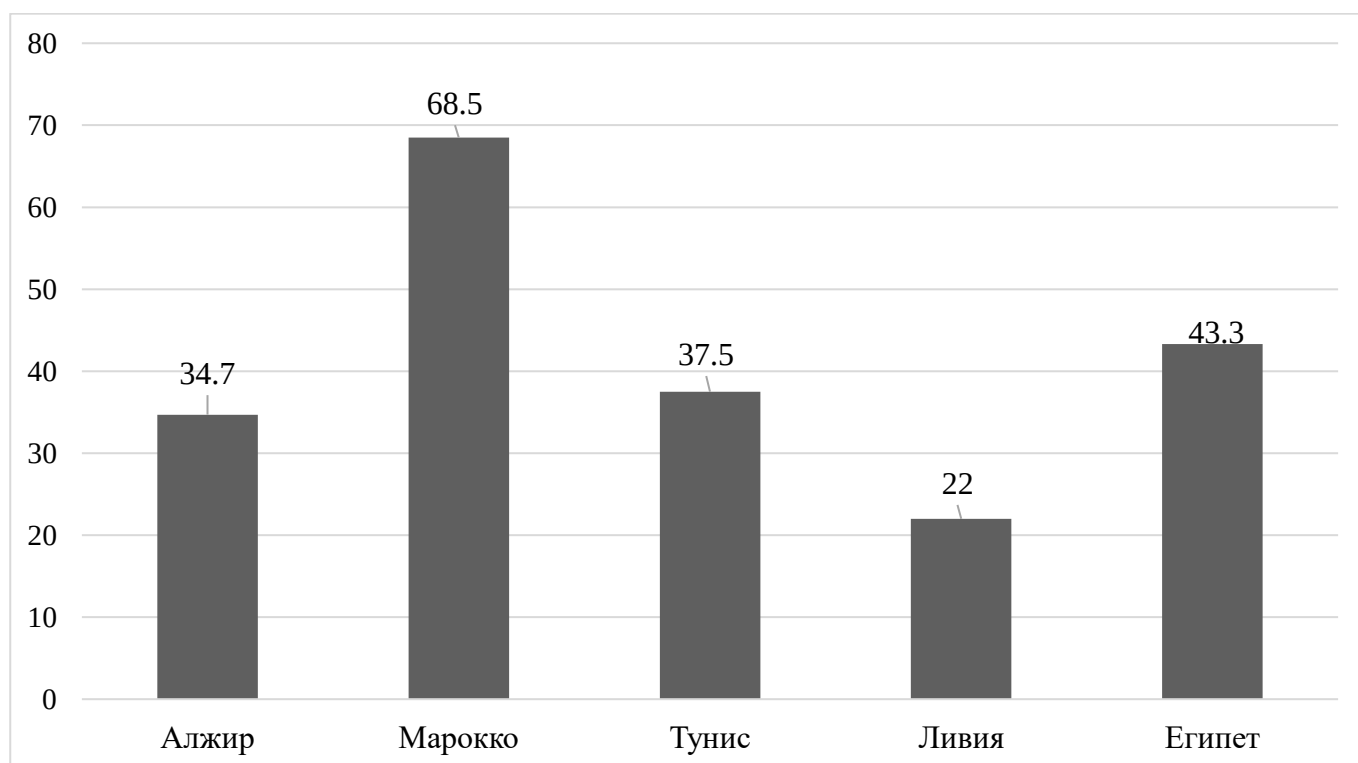

Рисунок 5 – Доля домохозяйств с доступом в интернет в Северной Африке, %
[составлено автором по: 40, с. 119]

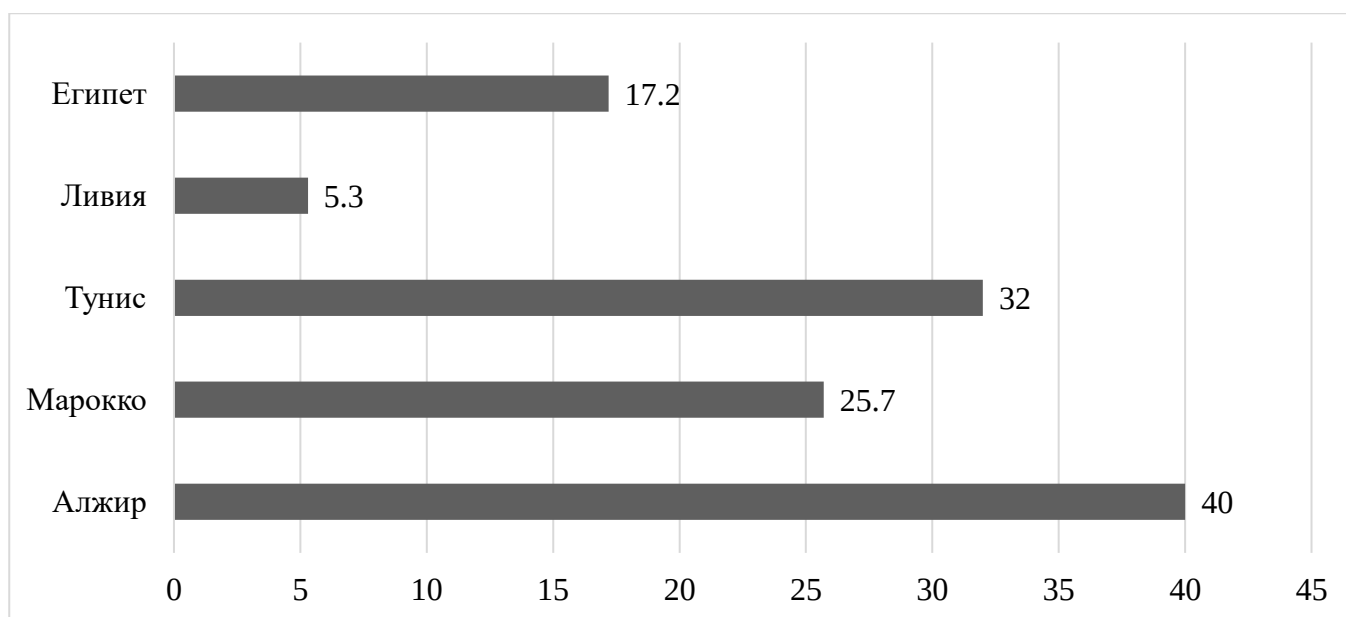

Рисунок 6 – Международная пропускная способность на пользователя в странах Северной Африки, кбит/с [составлено автором по: 40, с. 119]

Выявленные различия в уровне цифрового развития стран Северной Африки формируют неоднородную среду, в которой внешние акторы получают дополнительные возможности для продвижения своих технологий и стандартов. В этих условиях цифровая дипломатия Китая выступает инструментом не только экономического, но и институционального влияния, закрепляя его присутствие через участие в развитии инфраструктуры и цифровых экосистем. Это позволяет Китаю интегрироваться в национальные цифровые пространства стран региона и влиять на их дальнейшую трансформацию. Рисунок Б.1, представленный в приложении Б, позволяет сопоставить цифровое развитие стран Северной Африки сразу по нескольким ключевым параметрам.

Одним из важнейших направлений китайского присутствия стало развитие облачной и дата-центрической инфраструктуры. В частности, *Huawei* и *Telecom Egypt* подписали соглашение о создании центра облачных вычислений *Huawei Cloud* в Египте, а в Алжире китайская компания участвовала в проектах, связанных с созданием центров обработки данных [25].

Африканское направление не исчерпывает масштаб китайской цифровой дипломатии. В Азии Китай также стремится институционализировать цифровое

сотрудничество, о чем свидетельствует совместное заявление АСЕАН и КНР 2024 г., в котором были зафиксированы намерения сторон развивать взаимодействие в сфере цифровой экономики, электронной коммерции, цифровых платежей и трансграничных цифровых сервисов [19]. Показателен и пакистано-китайский волоконно-оптический проект, завершённый в 2019 году, который стал примером соединения финансовых механизмов, инфраструктурного строительства и внешнеполитического позиционирования Китая в рамках Цифрового шелкового пути [11, с. 228].

Инфраструктурное продвижение китайских технологий сопровождалось и активной коммуникативной работой официальной дипломатии КНР. Анализ деятельности китайских посольств в Африке за 2019–2021 гг. показывает, что в их аккаунтах в *Facebook** и *Twitter* доминировал нарратив, представлявший Китай не только как поставщика технологий, но и как государство, способное предложить эффективные решения для цифровой модернизации, развития экономики и преодоления кризисов [5, с. 75–78].

Существенное место в китайской стратегии занимает развитие сетей 5G и проектов «умных городов». Развертывание 5G в странах Африки и Азии усилило конкуренцию между китайскими и западными технологическими компаниями, однако именно относительная доступность китайских решений и готовность Китая сопровождать их инвестиционно сделали их особенно привлекательными для многих государств Глобального Юга [11, с. 228; 26, с. 16]. В этом контексте проект *Tangier Tech* в Марокко, представляющий собой крупный китайско-марокканский технопарк, можно рассматривать как пример экспорта не отдельных устройств, а целостных цифровых экосистем, встраивающих китайские компании в управление городской средой, логистикой и финансовыми потоками [40, с. 120]. Вместе с тем китайская цифровая дипломатия в отношении стран Глобального Юга порождает и ряд серьёзных рисков. Во-первых, финансовая и технологическая мощь китайских компаний позволяет им вытеснять локальных производителей и формировать зависимость принимающих стран. Во-вторых, включение внешних компаний в критическую инфраструктуру повышает чувствительность вопросов, связанных с

контролем над данными и цифровым суверенитетом [3, с. 34]. В-третьих, распространение китайских моделей регулирования и цифрового надзора может способствовать укреплению более жестких практик контроля над информационным пространством в странах-партнерах. Поэтому китайская цифровая дипломатия должна рассматриваться как процесс, сочетающий модернизационный потенциал с рисками нормативной и технологической зависимости [11, с. 227; 40, с. 122–123].

Таким образом, влияние Китая на цифровую трансформацию государств Глобального Юга носит комплексный характер и включает инфраструктурную экспансию, экспорт платформ и облачных решений, информационно-дипломатическое сопровождение и продвижение собственной модели цифрового развития. КНР не просто поставляет технологии, а формирует цифровую среду, в которой государства-партнеры начинают все в большей степени функционировать в логике, совместимой с китайскими экономическими и политическими интересами.

Глава 3 Россия и страны Глобального Юга: взаимодействие в сфере цифровой дипломатии

3.1 Особенности цифровой дипломатии России в государствах Глобального Юга

Экономический поворот России к государствам Глобального Юга получил выражение в переориентации внешнеторговых потоков, расширении связей со странами Азии и укреплении взаимодействия с незападными рынками [2, с. 113–124]. Изменение географии внешней торговли является материальной основой внешнеполитического разворота России, в рамках которого сотрудничество со странами Глобального Юга включает не только сырьевой и инфраструктурный, но и технологический, информационный и цифровой компоненты.

В 2023 г. значительная часть российских внешнеэкономических связей была сконцентрирована на азиатском направлении, что отражало ускоренную адаптацию страны к санкционному давлению и поиску новых рынков сбыта и партнерств. В этой связи целесообразно обратиться к структуре товарооборота России со странами АТР, поскольку она наглядно показывает экономическую базу дальнейшего политического и цифрового взаимодействия России с государствами Глобального Юга [1, с. 2].

Рисунок 7 – Товарооборот России со странами АТР в 2023 г., млрд долл. [1, с. 4]

Представленные данные позволяют сделать вывод о том, что российский поворот к Глобальному Югу имеет не только политико-декларативный, но и выраженный экономический характер. Однако по мере углубления этого поворота все более важным становится не только экспорт сырья и развитие логистических маршрутов, но и продвижение российских цифровых решений, медиа-платформ и инструментов технологического взаимодействия, что превращает цифровую дипломатию в значимый элемент внешней политики России на западных направлениях.

Цифровая дипломатия России в отношении государств Глобального Юга развивается в условиях усиливающейся международной конкуренции за контроль над информационными потоками, цифровой инфраструктурой и технологическими стандартами. В отличие от Китая, который делает ставку прежде всего на инфраструктурную и платформенную экспансию через телекоммуникационные сети, облачные сервисы и цифровые экосистемы, Россия в большей степени опирается на медиа-коммуникационные инструменты, государственные цифровые сервисы, экспорт IT-решений и дипломатическое сопровождение технологического сотрудничества [16]. Поэтому российская модель цифровой дипломатии в государствах Глобального Юга занимает промежуточное положение между западной моделью ценностно-нормативного цифрового воздействия и китайской моделью инфраструктурного проникновения, сочетая информационное присутствие, продвижение суверенных цифровых решений и поиск нишевого технологического партнерства [14, с. 117].

После 2022 г. цифровая дипломатия России стала тесно связана с общим внешнеполитическим разворотом к Азии, Африке и Латинской Америке, где цифровое взаимодействие начало рассматриваться не только как инструмент коммуникации, но и как способ институционального закрепления на новых внешних направлениях [2, с. 113–124]. На этом фоне особую роль приобрели международные медиаплатформы, официальные аккаунты дипломатических представительств, *Telegram*-каналы, а также продвижение российских государственных цифровых решений как элементов цифрового суверенитета, востребованных в странах,

стремящихся снизить зависимость от западных и китайских поставщиков [14, с. 119; 16]. Тем самым российская цифровая дипломатия в Глобальном Юге все в большей степени выходит за пределы собственно публичной коммуникации и начинает сочетаться с задачами технологической, экспортной и институциональной политики.

Одним из наиболее заметных инструментов российской цифровой дипломатии остаются внешние медиаресурсы и цифровые площадки, прежде всего *RT*, *Sputnik*, а также официальные аккаунты МИД России и посольств в социальных сетях. Их значение для работы с аудиторией государств Глобального Юга связано с возможностью обходить традиционные западные медиаканалы и обращаться к зарубежной аудитории напрямую, формируя альтернативную интерпретацию международных событий [3, с. 34]. Особенно важным это стало для стран Африки, Ближнего Востока и Латинской Америки, где запрос на альтернативные источники международной информации сочетается с критическим отношением к западной информационной монополии.

Наряду с присутствием в медиа Россия активно использует дипломатические аккаунты в социальных сетях как инструмент адресного взаимодействия с внешней аудиторией. Российская дипломатическая практика последовательно осваивала *Twitter*, *YouTube*, *Telegram* и иные платформы, а после ограничений на западные сервисы усилилось значение *Telegram* как канала официальной внешнеполитической коммуникации [14, с. 118–120]. Однако применительно к государствам Глобального Юга этот инструмент важен не сам по себе, а как средство формирования постоянного цифрового присутствия, позволяющего адаптировать коммуникацию к региональным аудиториям и сопровождать политические и экономические инициативы России [16].

Переход к более автономным цифровым платформам в российской дипломатической практике связан с необходимостью снизить зависимость от западной цифровой инфраструктуры и сохранить устойчивость внешнеполитической коммуникации в условиях санкционного давления. В этом отношении *Telegram* и иные каналы прямой цифровой коммуникации оказываются важны не только как

технологическая альтернатива, но и как политический инструмент, позволяющий поддерживать постоянную связь с иностранной аудиторией и быстрее адаптировать сообщения к региональной специфике [14, с. 119–120]. Для государств Глобального Юга это особенно значимо, поскольку во многих из них цифровая дипломатия воспринимается прежде всего через призму доступности платформ, скорости распространения информации и степени независимости от внешнего регулирования.

Вместе с тем эффективность цифровой дипломатии определяется не только наличием платформ, но и способностью государства использовать их в комплексе с другими инструментами внешней политики. Российская специфика состоит в том, что цифровые каналы нередко выполняют одновременно информационную, имиджевую и организационную функции, сопровождая официальные визиты, международные форумы и политические заявления [14, с. 118]. Тем самым цифровая дипломатия России в Глобальном Юге строится как многослойная система, где медиаприсутствие сочетается с дипломатическими коммуникациями и продвижением практических технологических решений [16].

Однако специфика российской цифровой дипломатии в Глобальном Юге не исчерпывается медиакоммуникацией. В последние годы все более заметным направлением становится продвижение российских цифровых государственных платформ и *IT*-решений как экспортируемых экосистем, которые могут быть адаптированы под потребности зарубежных партнеров. Речь идет прежде всего о платформенном опыте, накопленном в рамках «Госуслуг», электронного документооборота, цифровых сервисов управления и кибербезопасности, которые российская сторона начала позиционировать как альтернативу западным закрытым решениям и китайским инфраструктурно зависимым моделям. В этом отношении российская цифровая дипломатия уже выходит на тот уровень, где цифровые платформы становятся не только средством внутреннего управления, но и предметом внешнеполитического и экономического предложения.

Согласно использованным материалам, интерес к российским решениям в сфере цифрового государственного управления проявляется не только в странах СНГ, но и в ряде государств Африки и Латинской Америки, включая Алжир, Эфиопию, Кению,

Анголу, а также Бразилию, Кубу, Мексику и Аргентину. Привлекательность таких решений объясняется их лицензионной гибкостью, возможностью локализации, меньшей зависимостью от западных поставщиков и тем, что они подаются как инструменты укрепления цифрового суверенитета. В результате Россия стремится встроить цифровую дипломатию в более широкую логику технологического партнерства, при которой коммуникация сопровождает экспорт цифровой инфраструктуры и управленческих платформ [2, с. 113–124].

Важным элементом этой стратегии стало появление так называемых цифровых атташе, которые с 2022 г. начали работать при российских посольствах для продвижения отечественного программного обеспечения, электроники и цифровых услуг на зарубежных рынках. Их функция заключается не только в поиске потенциальных покупателей, но и в адаптации российских цифровых решений к региональному контексту, установлении контактов с местными партнерами и сопровождении экспортных проектов [16]. В таблице 4 представлены основные инструменты российской цифровой дипломатии в государствах Глобального Юга.

Таблица 4 – Основные инструменты цифровой дипломатии России в государствах Глобального Юга [составлено автором по: 14, с. 118; 16; 2, с. 121–124]

Инструмент	Содержание	Функция во внешнеполитическом взаимодействии
Международные медиаресурсы	<i>RT, Sputnik</i> , цифровые новостные платформы	Формирование альтернативной международной повестки и прямое обращение к зарубежной аудитории
Социальные сети и мессенджеры	Официальные аккаунты МИД и посольств, <i>Telegram</i> -каналы	Оперативная дипломатическая коммуникация, адресная работа с внешней аудиторией, сопровождение политических инициатив
Государственные цифровые платформы	«Госуслуги», электронное управление, цифровые сервисы администрирования	Продвижение российских решений как альтернативной модели цифрового суверенитета
Экспорт IT-решений	Программное обеспечение, кибербезопасность, цифровое госуправление	Технологическое партнерство и институциональное закрепление на внешних рынках
Цифровые атташе и форумы	Работа при посольствах, продвижение решений на международных площадках	Связь дипломатического присутствия с экспортом технологий и формированием устойчивых партнерств

Отдельного внимания заслуживает участие России в международных цифровых форумах и многосторонних площадках, ориентированных на сотрудничество с государствами Глобального Юга. Через такие форматы продвигаются российские подходы к цифровому суверенитету, кибербезопасности, цифровому госуправлению и подготовке. Для России подобные площадки важны еще и потому, что позволяют конструировать образ не только поставщика технологий, но и политического партнера, готового поддерживать альтернативную, менее зависимую от западных центров модель цифрового развития [2, с. 121–124].

При этом российская цифровая дипломатия в Глобальном Юге разворачивается в уже сложившейся конкурентной среде. Китай занял сильные позиции в ряде стран Африки и Азии благодаря Цифровому шелковому пути, деятельности *Huawei*, *ZTE*, *Alibaba*, развитию 5G и цифровых городских решений [11, с. 227; 40, с. 123]. Поэтому Россия не может воспроизвести китайскую модель в полном объеме и, как правило, вынуждена искать иные ниши – прежде всего в медиакоммуникации, кибербезопасности, государственном цифровом администрировании, подготовке кадров и ограниченном экспорте платформенных решений [16; 2, с. 121–124]. Именно эта нишевая логика и составляет ключевую особенность российской цифровой дипломатии по сравнению с инфраструктурным масштабом Китая и нормативной мощью Запада [3, с. 37].

Следовательно, специфика российской цифровой дипломатии в государствах Глобального Юга заключается в сочетании трех взаимосвязанных элементов: медиаприсутствия, дипломатической коммуникации в цифровой среде и продвижения суверенных цифровых решений как предмета внешнеполитического партнерства. В отличие от Китая, Россия действует не столько через масштабную инфраструктурную экспансию, сколько через более гибкую модель политико-информационного и технологического присутствия, ориентированную на страны, заинтересованные в диверсификации внешних цифровых. Вместе с тем такая модель изначально сталкивается с рядом ограничений – конкуренцией внешних акторов, ресурсной асимметрией, санкционным давлением и ограниченной масштабируемостью российских цифровых решений, – что непосредственно

подводит к анализу проблем и перспектив российско-южного сотрудничества в сфере цифровой дипломатии.

3.2 Проблемы и перспективы сотрудничества России с государствами Глобального Юга в области цифровой дипломатии

Россия в своей цифровой политике делает акцент на инструментах мягкой силы, связанных с развитием компетенций, адаптацией решений к местным условиям и расширением сотрудничества с партнерами. Усиление цифрового присутствия Китая и западных корпораций в странах Глобального Юга формирует для России конкурентное поле: инфраструктура связи, облачные сервисы, платформы электронной коммерции и социальных сетей во многих государствах выстроены под китайские и западные стандарты, однако одновременно растет запрос на цифровой суверенитет и альтернативные решения [30]. На этом фоне сотрудничество России с государствами Глобального Юга в области цифровизации разворачивается не как попытка прямой конкуренции по всем направлениям, а как поиск собственных ниш, в которых российские технологии и управленческие решения могут быть востребованы в логике технологического суверенитета, институциональной автономии и диверсификации внешних партнерств [2, с. 113–118; 28].

Важной предпосылкой такого сотрудничества остается сохраняющийся цифровой разрыв между различными регионами Глобального Юга. По данным ITU, в 2023 г. Интернетом пользовались около 67 % населения мира, тогда как в Африке этот показатель составлял лишь около 37 % [34]. При этом различия внутри континента также значительны: по данным *Statista*, в феврале 2025 г. проникновение Интернета в Южной и Северной Африке составляло примерно 77 % и 73 %, тогда как в Восточной и Центральной Африке не превышало 28,5–33,6 % [39]. Для значительной части государств Глобального Юга приоритетами поэтому остаются базовая цифровая инфраструктура, электронное управление, защита данных и подготовка кадров, а значит, внешние партнеры оцениваются прежде всего по способности предложить адаптируемые и сравнительно недорогие решения [27; 30].

Дополнительное значение этому придает трансформация БРИКС. Авторский анализ цифровой экономики БРИКС, представленный А. А. Игнатовым, показывает, что Россия обладает сравнительно сильными позициями по доступности и стоимости фиксированного и мобильного широкополосного доступа, однако уступает ряду партнеров по масштабам цифровой коммерциализации, доле ИКТ-сектора в экономике и распространенности продвинутых цифровых навыков в бизнесе [29, с. 150–160]. В то же время исследование И. Г. Дежиной и Т. Р. Гареева показывает, что новые члены БРИКС характеризуются растущим спросом на наукоемкие и инфраструктурные решения, особенно в таких сферах, как электроника, компьютерные технологии, научные приборы, здравоохранение и государственное управление [2, с. 113–123]. В результате у России формируется окно возможностей не для фронтальной конкуренции с Китаем или Западом по всем направлениям, а для участия в точечных проектах, где востребованы сочетание технологической адаптивности, политической гибкости и ориентации на цифровой суверенитет [30].

Одним из наиболее перспективных направлений в этих условиях выступает экспорт российских платформ электронного правительства и решений в сфере цифрового государственного управления, основанных на экосистеме «Госуслуг» и смежных сервисах. Предлагаемая российской стороной модель опирается на открытое, свободное от лицензий и независимое от конкретного поставщика программное ядро, что позволяет локализовать платформы, развёртывать национальные дата-центры и адаптировать сервисы к внутренним административным моделям государств-партнёров. Если первоначально основной акцент делался на странах СНГ, то в настоящее время интерес к подобным решениям фиксируется также в Алжире, Эфиопии, Кении и Анголе, а из латиноамериканских стран – в Бразилии, Кубе, Мексике и Аргентине, где российские разработки рассматриваются как инструмент диверсификации цифровых партнёрств и укрепления национального контроля над данными.

Не менее значимым направлением остается кибербезопасность и защита критической информационной инфраструктуры. Для многих государств Глобального Юга эта тематика связана не только с технологией, но и с вопросами политической

автономии, контроля над данными и устойчивости цифровых систем к внешнему давлению. В данном отношении российский опыт регулирования информационного пространства, локализации данных и выстраивания суверенных цифровых контуров воспринимается как практически значимый для стран, стремящихся сократить зависимость от западных цифровых экосистем или сбалансировать китайское технологическое присутствие [14, с. 116; 30]. Хотя российские подходы не всегда универсальны, именно в области информационной безопасности, защищенной цифровой инфраструктуры и институционального контроля над критическими сервисами Россия способна предлагать не только продукты, но и управленческие модели [3, с. 35].

Еще одним направлением, напрямую влияющим на устойчивость сотрудничества, выступает цифровое образование и подготовка кадров. Как показывают данные о научно-технологических профилях новых членов БРИКС, многие из них хотя и уступают «старым» участникам по совокупному инновационному потенциалу, но демонстрируют рост публикационной активности и высокую заинтересованность в международной научно-технологической кооперации. Это создает предпосылки для совместных образовательных программ, подготовки специалистов в сфере ИКТ, обмена практиками цифрового госуправления, а также сотрудничества в цифровой медицине, дистанционном обучении и разработке прикладных платформенных решений [2, с. 119–123; 27]. Для России такой формат особенно важен, поскольку он позволяет закреплять присутствие не только через поставку программных продуктов, но и через передачу компетенций, создание локальных команд и формирование долгосрочной институциональной зависимости от совместно созданных цифровых экосистем [28].

Наконец, существенное значение имеет координация позиций по вопросам глобального цифрового управления и международной информационной безопасности. Расширение БРИКС+ создает для России дополнительные возможности по институционализации повестки цифрового суверенитета, совместной выработке подходов к регулированию данных, цифровой торговли, электронного управления и кибербезопасности [30]. В отличие от двусторонних

проектов, где возможности России нередко ограничиваются ресурсами и санкционной средой, многосторонние форматы позволяют ей действовать как один из архитекторов альтернативного цифрового порядка, в котором государства Глобального Юга получают больше пространства для маневра между западными и китайскими технологическими моделями [29, с. 167–172].

В таблице 5 представлены основные направления цифрового сотрудничества России со странами и регионами Глобального Юга.

Таблица 5 – Ключевые направления цифрового сотрудничества России с регионами Глобального Юга [составлено автором по: 27; 28; 30]

Регион	Основные цифровые потребности	Российские предложения	Основные конкуренты
Африка	<i>E-government</i> , кибербезопасность, <i>e-health</i> , финтех, базовая инфраструктура	Платформы госуслуг, решения по кибербезопасности, цифровая медицина, комплексные ИТ-экосистемы	Китай, США, ЕС
Латинская Америка	Электронное управление, цифровые финансы, защита данных	<i>GovTech</i> -платформы, решения для цифрового госуправления, кибербезопасность	США, ЕС, в меньшей степени Китай
Юго-Восточная Азия	Индустрия 4.0, «умные города», телеком-инфраструктура	Индустриальные платформы, ИИ-решения, сотрудничество в космической и спутниковой сфере	Китай, региональные ИТ-игроки
Ближний Восток и Северная Африка	Цифровые госуслуги, кибербезопасность, управление данными	Совместные центры обработки данных, экспорт платформ «Госуслуги», экспертная поддержка	США, ЕС, Китай, региональные хабы (ОАЭ, КСА)

Таблица 5 обобщает основные направления цифрового сотрудничества России с ключевыми макрорегионами Глобального Юга. При этом возможности России в сфере цифровизации ограничены рядом системных факторов. Наиболее очевидными остаются политико-санкционные ограничения: санкции с 2022 г. сократили экспорт российского ПО в Африку на 40 % [28], они сужают доступ к оборудованию,

программному обеспечению и платежным системам, а также заставляют партнеров учитывать риск вторичных санкций. Ситуацию усугубляет технологическая зависимость: исследования торговли высокотехнологичными товарами в БРИКС показывают, что более 90 % российского импорта из стран объединения приходится на Китай, что ограничивает возможности России выступать полностью автономным цифровым поставщиком [2, с. 116–120].

Таким образом, даже при наличии политической воли и спроса со стороны партнеров российское цифровое предложение сталкивается с внешними ограничениями, которые снижают его масштабируемость. Серьезным ограничителем остается и сам цифровой разрыв. Во многих государствах Глобального Юга цифровизация сдерживается не отсутствием интереса к современным решениям, а нехваткой базовой инфраструктуры, слабой связностью территорий, высокой стоимостью доступа и дефицитом цифровых навыков [34; 39].

Это означает, что даже качественные платформенные решения невозможно эффективно внедрять без параллельных инвестиций в сети связи, обучение пользователей и администраторов, создание дата-центров и нормативную настройку цифрового управления [27]. Для России это особенно важно, поскольку ее сравнительные преимущества заметнее на уровне платформ и управленческих решений, чем на уровне масштабных инфраструктурных инвестиций, где доминируют Китай, США и крупные региональные игроки [29, с. 150–160].

Отдельную проблему создает конкуренция за стандарты, рынки и доверие. Китай сохраняет лидирующие позиции по экспорту высокотехнологичной продукции, инфраструктурному присутствию и вовлеченности в цифровое развитие многих стран Африки и Азии, тогда как западные игроки продолжают контролировать значительную часть нормативной и платформенной среды [29, с. 150–160; 11, с. 227]. В этих условиях России трудно конкурировать по объему инвестиций и технологическому масштабу, поэтому ее стратегия должна быть ориентирована не на повторение китайской модели, а на поиск комплементарных сегментов, где меньшее значение имеет размер капитала и большее – политическая приемлемость, адаптивность и готовность передавать технологии [30; 28].

Сложности создают и институциональные барьеры в самих странах-партнерах. В ряде государств Африки и Латинской Америки цифровая среда характеризуется фрагментированным регулированием, слабой защитой инвестиций и данных, неопределенностью надзорных полномочий и нехваткой регуляторной экспертизы [27]. Это увеличивает издержки входа на рынок, делает проекты менее предсказуемыми и требует от России не разовых поставок решений, а длительного присутствия, локализации и институционального сопровождения [28]. Иначе даже конкурентоспособные технологические предложения могут не получить устойчивого эффекта [2, с. 118–121].

Наконец, ограничения характерны и для самой российской цифровой дипломатии. Исследования российско-европейского цифрового взаимодействия показывают, что платформы *Web 2.0* способны не только расширять коммуникацию, но и усиливать цифровую поляризацию, когда различные аудитории закрепляются в противоположных интерпретационных пространствах и перестают воспринимать друг друга как равноправных участников диалога.

В отношениях с государствами Глобального Юга этот риск также сохраняется: если цифровые инструменты используются преимущественно для трансляции позиции, а не для адаптированного межкультурного диалога, потенциал сотрудничества сужается [14, с. 116–120]. Следовательно, успешность цифрового взаимодействия зависит не только от наличия платформ и программных решений, но и от способности России выстраивать доверительную, чувствительную к локальному контексту коммуникацию [3, с. 31].

Таблица 6 систематизирует ключевые ограничения цифрового сотрудничества России с государствами Глобального Юга и показывает, что часть из них носит внешний и структурный характер, тогда как другая часть связана с особенностями самих принимающих государств и требует длительной адаптации российских решений к местным условиям.

Таблица 6 – Основные проблемы цифрового сотрудничества России с государствами Глобального Юга [2, с. 116–121; 29, с. 150–160; 27]

Тип проблемы	Содержание	Региональные проявления	Решение России
Санкции и вторичные риски	Ограничения на поставки оборудования, ПО и платежных сервисов; опасения партнеров попасть под вторичные санкции	Наиболее остро в Африке и Латинской Америке при реализации крупных инфраструктурных проектов	Использование БРИКС <i>Pay</i> , локализация решений и расчетов
Технологическая зависимость	Высокая доля импорта высокотехнологичной продукции из Китая; ограниченный доступ к ряду критических технологий	БРИКС и новые члены, где Россия сама выступает скорее импортером, чем донором технологий	Совместные исследования и разработки в БРИКС, импортозамещение
Конкуренция за стандарты и рынки	Присутствие китайских и западных платформ, формирующих фактические стандарты; борьба за правила торговли цифровыми услугами	Африка, Латинская Америка, Ближний Восток	Развитие собственных решений в сфере критической цифровой инфраструктуры и технологической независимости
Институциональные барьеры	Низкая предсказуемость регулирования, слабая защита инвестиций и данных, фрагментированный надзор	Ряд стран Африки к югу от Сахары и Латинской Америки	Экспертная поддержка, создание совместных центров
Кадровый дефицит и компетенции	Нехватка опытных специалистов для работы с ИКТ-технологиями, сложность эксплуатации сложных платформ	Наименее развитые страны Африки и отдельные новые партнеры БРИКС	Образовательные хабы, стажировки

Перспективным направлением выступает и дальнейшее масштабирование экспортных проектов в сфере *GovTech* и комплексных ИТ-экосистем, включая *AngoSat-2* для Анголы (спутниковый проект, реализованный при участии России, который расширяет возможности связи и цифровой инфраструктуры страны) [10]. Материалы международных форумов показывают, что партнеры из Африки заинтересованы не только в приобретении готовых решений, но и в получении исходного кода, технической поддержки, обучении специалистов и создании собственной инфраструктурной базы [27]. В этом отношении российское предложение может оказаться конкурентоспособным именно там, где требуется модель, включающая платформу, компетенции и локализацию [28]. Подобный

подход особенно важен для стран, стремящихся избежать чрезмерной зависимости от одного внешнего центра силы и потому заинтересованных в диверсификации цифровых партнерств [30].

Дополнительные перспективы открываются в цифровой медицине, образовании, аналитике данных, спутниковой связи и прикладных государственных сервисах. Исследование новых членов БРИКС показывает, что кооперация в фармацевтике, электронике и компьютерных технологиях обладает высоким потенциалом, а значит, цифровые компоненты таких проектов могут стать естественным продолжением более широкого научно-технологического сотрудничества. Это позволяет России позиционировать себя не только как экспортера отдельных платформ, но и как участника более комплексных проектов развития, сочетающих технологию, обучение кадров и институциональное сопровождение [27].

Таким образом, цифровое сотрудничество России с государствами Глобального Юга обладает заметным потенциалом, но его реализация сдерживается санкциями, технологической зависимостью, конкуренцией с Китаем и Западом, а также институциональными и кадровыми ограничениями. Наиболее перспективными для России остаются ниши *GovTech*, кибербезопасности, цифрового государственного управления и подготовки кадров, где особенно востребованы адаптируемые решения, локализация и передача компетенций.

Заключение

Проведенное исследование посвящено анализу цифровой дипломатии как феномена современной системы международных отношений, с акцентом на стратегии России и государств Глобального Юга. Цифровая дипломатия предстает не просто технологическим дополнением к традиционным инструментам внешней политики, но самостоятельным фактором геополитического влияния, функционирующим в условиях технологической конкуренции ключевых акторов мирового политического процесса. Установлено, что ее развитие обусловлено сдвигом парадигмы публичной дипломатии от преимущественно мягких стратегий убеждения к гибридным моделям, интегрирующим элементы острой силы, что соответствует реалистским и конструктивистским подходам к интерпретации цифрового пространства как арены борьбы за стандарты, данные и контроль над информационными потоками.

Сравнительный анализ национальных стратегий цифровой дипломатии Индии, Бразилии и ЮАР выявил их институциональную и технологическую специфику: индийская модель опирается на цифровую публичную инфраструктуру как инструмент массовой цифровизации; бразильская – на правовое регулирование и развитие кибердипломатии; южноафриканская – на интеграцию ИКТ в региональное лидерство посредством *Ubuntu Radio* и комплексной политики в сфере ИКТ. Особое место в этом процессе занимает Китай, чья инфраструктурная экспансия в рамках Цифрового шелкового пути усиливает его позиции в сфере 4G/5G, облачных сервисов и платформенных решений, но одновременно создает риски технологической зависимости для стран-партнеров.

Российская цифровая дипломатия, в свою очередь, опирается на медиаплатформы, цифровые каналы коммуникации, *GovTech*-решения и институциональное присутствие, однако ограничена санкциями и технологическими асимметриями.

Проведенный анализ показал, что цифровая дипломатия государств Глобального Юга, включая Россию, эволюционирует как институциональный ответ

на технологическое доминирование Запада и инфраструктурную экспансию Китая, ставит в приоритет суверенитет данных, доступность ИКТ и многосторонние механизмы (БРИКС+, ШОС). Конкурентоспособность российского вклада определяется способностью предлагать адаптивные модели цифрового управления, компенсируя ресурсные ограничения за счет технологической доступности, опыта локализации и политической автономии. Институционализация сотрудничества требует нейтрализации санкционных барьеров посредством унификации стандартов кибербезопасности в рамках БРИКС и акцента на образовательные инициативы.

Теоретическая значимость исследования заключается в систематизации подходов к цифровой дипломатии как гибридному феномену «мягкой» и «острой силы» и анализе ее роли в геополитическом взаимодействии России и государств Глобального Юга. Практическая ценность проявляется в выявлении ниш сотрудничества (цифровые решения для государственного управления и кибербезопасность) и системных барьеров (санкции, технологическая зависимость), что может быть использовано для формирования рекомендаций по укреплению позиций в рамках расширенного БРИКС+.

Перспективы дальнейших исследований связаны с анализом конкретных цифровых проектов, оценкой эффективности российских цифровых решений и изучением влияния искусственного интеллекта на трансформацию цифровой дипломатии.

Список использованных источников

- 1 Абрамян Т. А. Развитие партнерских отношений России со странами Глобального Юга: совпадающие интересы и возможные перспективы // Вестник евразийской науки. 2024. Т. 16, № 5. С. 1–10.
- 2 Дежина И. Г., Гареев Т. Р. Россия и новые страны БРИКС: перспективы технологического сотрудничества // Мировая экономика и международные отношения. 2024. Т. 68, № 9. С. 113–124.
- 3 Зиновьева Е. С., Булва В. И. Цифровая дипломатия в отношениях России со странами ЕС: кросс-культурные аспекты // Концепт: философия, религия, культура. 2021. Т. 5, № 4. С. 30–40.
- 4 Игнатов А. А. Перспективы многостороннего сотрудничества в БРИКС // Вестник международных организаций. 2020. Т. 15, № 1. С. 31–62.
- 5 Кравцов К. С. Цифровая дипломатия КНР в Африке: кейс посольств в социальных сетях // Современные востоковедческие исследования. 2023. Т. 5, № 2. С. 73–90.
- 6 Кравцов К. С., Соболева Е. Д. Аккаунты китайских посольств в социальных сетях как инструмент цифровой дипломатии КНР в Африке // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2023. № 4. С. 3–22.
- 7 Кривохиж С. В., Теленьга М. П. Трансформация цифровой дипломатии в условиях новых вызовов: взгляд из Вашингтона и Пекина // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2024. Т. 17, № 2. С. 143–163.
- 8 Малышева Е. В., Афанасьева К. В. Цифровая дипломатия в современном коммуникативном обществе // Организационная психолингвистика. 2023. № 1 (21). С. 82–96.
- 9 Махмуд А. Х. Sharp power. Попытка западных авторов разделить мягкую силу на «свою» и «чужую» // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2020. № 4. С. 186–202.

10 Роскосмос. AngoSat-2. Официальный сайт Госкорпорации «Роскосмос». URL: <https://www.roscosmos.ru/38659/> (дата обращения: 24.03.2026).

11 Столетов О. В. Стратегии цифрового развития ключевых государств «Глобального Юга» в условиях американо-китайского технологического соперничества // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2022. Т. 22, № 2. С. 221–237.

12 Цветкова Н. А. Феномен цифровой дипломатии в международных отношениях и методология его изучения // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2020. № 2. С. 37–47.

13 Цветкова Н. А., Кузнецов Н. М. Феномен дипломатии больших данных в мировой политике // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2020. № 4. С. 27–44.

14 Чернывская А. С. Цифровая дипломатия // Russian Political Science. 2021. № 2 (19). С. 116–120.

15 Цифровая дипломатия вчера и сегодня // Российский совет по международным делам (РСМД). URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/digitaldiplomacy/tsifrovaya-diplomatiya-vchera-i-segodnya/> (дата обращения: 16.03.2026).

16 Экспорт российских IT-решений в 2024 году впервые за три года показал рост // Интерфакс. 25.03.2025. URL: <https://www.interfax.ru/business/1016384> (дата обращения: 24.03.2026).

17 African Features in South Africa's Foreign Policy: Ubuntu Diplomacy // PIR Center. 2023. URL: <https://pircenter.org/en/editions/african-features-in-south-africa-s-foreign-policy-ubuntu-diplomacy/> (дата обращения: 18.03.2026).

18 An analysis of digital diplomacy in furthering South Africa's foreign policy in a post-COVID-19 world. Master's thesis. University of Pretoria, 2024. URL: <https://repository.up.ac.za/bitstreams/8073bb58-9843-47d3-b39e-82c2d1e4106f/download> (дата обращения: 18.03.2026).

19 ASEAN-China Joint Statement on Digital Ecosystem Cooperation. Joint Statement from 2024 ASEAN-China Digital Dialogue. URL: <https://asean.org/asean-china->

joint-statement-on-facilitating-cooperation-in-building-a-sustainable-and-inclusive-digital-ecosystem/ (дата обращения: 25.03.2026).

20 Bjola C., Holmes M. Digital Diplomacy: Theory and Practice. London: Routledge, 2015. 252 p.

21 Brazil Enacts «Marco Civil» Internet Civil Rights Bill // Inside Privacy. 2014. URL: <https://www.insideprivacy.com/international/brazil-enacts-marco-civil-internet-civil-rights-bill/> (дата обращения: 12.03.2026).

22 Brenton E. Groenendaal L. Brazil's Cyber Resilience and Diplomacy: The Place for Europe. Brussels, 2020. 32 p.

23 Bridging the Digital Divide in Africa: Enhancing Technology Adoption for Economic Growth // Brookings Institution. 28.04.2025. URL: <https://www.brookings.edu/articles/bridging-the-digital-divide-in-africa-enhancing-technology-adoption-for-economic-growth/> (дата обращения: 18.03.2026).

24 Collins S. D., DeWitt J. R., LeFebvre R. K. Hashtag diplomacy: Twitter as a tool for engaging in public diplomacy and promoting US foreign policy // Place Branding and Public Diplomacy. 2019. № 5. P. 78–96.

25 Council on Foreign Relations. Assessing China's Digital Silk Road Initiative. Council on Foreign Relations, 2020. URL: <https://www.cfr.org/china-digital-silk-road/> (дата обращения: 14.03.2026).

26 Deych T. L., Tsvetkova N. N., Kravtsov K. S. Africa's Digital Economy Development and China's Participation // Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law. 2022. Vol. 15, № 4. P. 6–22.

27 Digitalisation of Africa on agenda at the International IT Forum held in Moscow. Platforma Gosudarstvennykh Uslug, 13.04.2023. URL: <https://platform.gov.ru/en/news/digitalisation-of-africa-on-agenda-at-the-international-forum-held-in-moscow/> (дата обращения: 18.03.2026).

28 Exporting Russia's GovTech: Digital Platforms Reach the Global South. IT Russia, 14.06.2025. URL: <https://itrussia.media/en/article/exporting-russias-govtech-digital-platforms-reach-14-06-2025> (дата обращения: 18.03.2026).

29 Ignatov A. A. The Digital Economy of BRICS: Prospects for Multilateral Cooperation // International Organisations Research Journal. 2018. Vol. 13, № 2. P. 143–172.

30 Ignatov A. BRICS Expansion and Prospects for BRICS Cooperation in the Digital Economy. RIAC Policy Brief № 54. Moscow: Russian International Affairs Council, 2024. 16 p.

31 India's Digital Public Infrastructure. Press Information Bureau, Government of India. URL: <https://www.pib.gov.in/PressReleasePage.aspx?PRID=2235812®=3&lang=1> (дата обращения: 19.03.2026).

32 India reaffirms commitment to inclusive digital growth at BRICS meet. News On Air, 02.06.2025. URL: <https://www.newsonair.gov.in/india-champions-inclusive-digital-growth-at-brics-meet/> (дата обращения: 18.03.2026).

33 Iqbal B. A., Rahman M. N. Digital Diplomacy Among BRICS Countries // Innovations and Tactics for 21st Century Diplomacy. IGI Global. 2025. P. 383–395.

34 ITU. Facts and Figures 2023: Internet use. International Telecommunication Union, 2023. URL: <https://www.itu.int/itu-d/reports/statistics/2023/10/10/ff23-internet-use/> (дата обращения: 06.03.2026).

35 Nye J. S. Jr. Public Diplomacy and Soft Power // The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science. 2008. Vol. 616, № 3. P. 94–109.

36 Pemmasani C. S. Statement at 11th BRICS Communications Ministers Meeting, Brasília, Brazil, June 2025 // Press Information Bureau. URL: <https://www.pib.gov.in/PressReleaseDetailm.aspx?PRID=213344> (дата обращения: 18.03.2026).

37 Singh S. Digital Diplomacy: India's Increasing Digital Footprints. SSPC Research Paper. December 2018. URL: <https://sspconline.org/research-paper/digital-diplomacy-indias-increasing-digital-footprints> (дата обращения: 27.02.2026).

38 South Africa's Public Diplomacy in Action: Ubuntu. Ubuntu Magazine. Department of International Relations and Cooperation (DIRCO), 2023. 112 p.

39 Statista. Internet penetration rate in Africa as of February 2025, by region. 2025. URL: <https://www.statista.com/statistics/1124283/internet-penetration-in-africa-by-country/> (дата обращения: 26.03.2026).

40 Tekir G. China's Digital Expansion in North Africa // Global Powers and the Middle East: Symposium Proceedings. ORSAM. 2022. P. 111–128.

41 Turianskyi Y., Wekesa B. African digital diplomacy: Emergence, evolution, and the future // South African Journal of International Affairs. 2021. Vol. 28, № 3. P. 341–359.

42 Unpacking Brazil's Cyber Diplomacy. EU Cyber Direct, 13.03.2022. URL: <https://eucyberdirect.eu/blog/unpacking-brazil-s-cyber-diplomacy> (дата обращения: 10.03.2026).

Приложение А

Инструменты мягкой и острой силы в цифровой дипломатии

Таблица А.1 – Инструменты силы в цифровой дипломатии [Составлено автором по: 35, с. 95–103; 9, с 187–188; 12, с. 40–43]

Инструмент / практика	Логика мягкой силы	Логика острой силы	Основная цель	Пример применения
Использование социальных сетей	Да	Да	Прямая коммуникация с зарубежной аудиторией без посредников	Официальные аккаунты государственных лидеров и внешнеполитических ведомств
Продвижение позитивного образа государства	Да	Нет	Укрепление международного имиджа, повышение привлекательности	Продвижение культурных и политических достижений страны в цифровой среде
Культурные и образовательные онлайн-проекты	Да	Нет	Формирование симпатии через ценности и культуру	Цифровые форматы культурной дипломатии, образовательные платформы и онлайн-мероприятия
Использование хэштегов и трендов	Да	Да	Мобилизация внимания, продвижение темы в цифровой повестке	Вовлечение аудитории через тематические кампании и обсуждения
Взаимодействие с различными политическими взглядами	Да	Да (селективно)	Расширение охвата аудитории, повышение видимости сообщения	Формирование широкой цифровой аудитории за счет адресации разным группам пользователей
Критика политики других стран	Нет	Да	Дискредитация соперника и ослабление его позиций	Публичное оспаривание внешнеполитических решений оппонента в цифровой среде
Распространение дезинформации	Нет	Да	Манипулирование восприятием и снижение доверия	Информационные кампании, направленные на искажение повестки
Использование ботов и автоматизации	Нет	Да	Масштабирование распространения сообщений	Автоматизированное тиражирование сообщений и реакций
Анализ больших данных	Да	Да	Повышение точности воздействия и оценки эффективности	Анализ цифрового поведения аудитории для настройки внешнеполитического сообщения

Приложение Б

Цифровое развитие стран Северной Африки

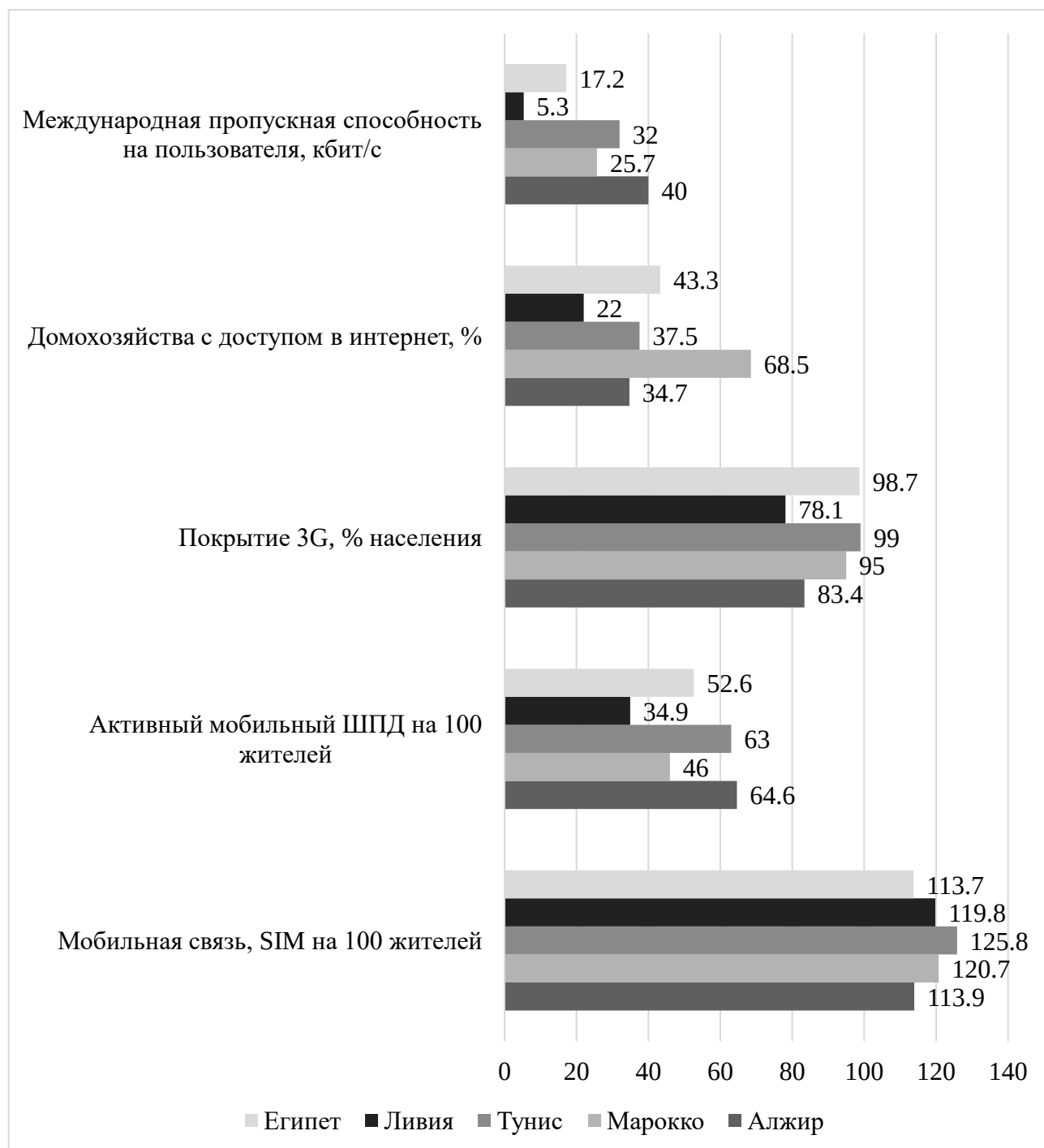

Рисунок Б.1 – Интегральный профиль цифрового развития стран Северной Африки